

За последние два десятилетия журнал “Наш современник” постоянно возвращал на своих страницах и делал известными читателю имена многих молодых поэтов, прозаиков, критиков и даже историков, на этом пути у журнала были и победы, порой переходящие в поражения, если вспомнить литературную судьбу Марины Струковой, Алексея Широкова, Андрея Писарева, Михаила Рыжакина, Вадима Штепы, Дмитрия Галковского, но были и несомненные победы: Нина Карташева, Марина Шамсуддинова, Елизавета Сейдаметова, Василий Струж, Максим Ершов, Андрей Тимофеев, Ольга Кочнова... Но одной из самых ярких поэтических открытий “Нашего современника” стало имя поэтессы из Тамбова Марии Знобищевой, у которой недавно вышла новая книжечка стихотворений “По праву родства”. Мария Знобищева – поэт, не подвластный ни моде, ни конъюнктуре, ни соблазнам массовой культуры. Она живёт традиционными для русской поэзии вечными заветами, понимая что поэзия – это искусство изливать словами переживания сердца. Стихи Марии Знобищевой дают читателю возможность прочувствовать непростую судьбу молодого автора. Бесспорный талант дан ей свыше – способность выразить переживания, в наш непростой век прожитые, но не высказанные многими. Порой её стихи привлекают скрытой мощью чувств, замкнутых в трепещущую от напряжения форму:

*Кто выдумал, что дни — стояли,
Когда, широкие, вразлёт,
Они вращались по спирали
И ликованием вбирали
Грозу, и воздух, и восход?!*

*...И вот, когда терпеть уже нельзя,
Сорвётся сердце вслед за этим шквалом —
Всем небом, опрокинутым в глаза,
И поездом — по сумасшедшим шпалам, —*

то по-русски дышат есенинским воздухом:

*— А что юность обронена —
Всё невечно... — о них не жалея...
Я подумала: родина
Начинается с этих полей...*

Цитируя последние строчки этого стиха, я позволю себе от них оттолкнуться, поскольку (переосмысливая) именно с “полей” стоит начать рассуждения об остальных особенностях поэзии Марии Знобищевой. С “полей”, на которых с неуловимой скоростью произрастают настроение, размышления и сердечные переживания читателя, впервые прикоснувшегося к стихам прежде незнакомого автора. Поэт, принимая сердцем видимый мир вокруг, пропускает ощущения насквозь, как свет проходит через стекло — цветное, прозрачное или замутнённое, — и испытывает потребность поделиться тем, что испытал и пропустил через себя, передать — кому? Тому, кто прочитает. Стих соприкасается с чувственным восприятием читателя и в его воображении принимает новую форму.

*У сердца много жизней. Помнишь, было
Оно пичужкою короткокрылой,
Стучало в окна — солнечно, проста,
Садились смело на руку любую,
И под стрехой пережидало бурю,
И думало, что это высота.*

*...А после словно вдруг отяжелело
И жалостью звериной заболело...*

*...И если есть надежда возвратиться,
То вряд ли человеком, зверем, птицей —
Косым лучом сквозь листья и слова.
Лучом, растущим вопреки законам...*

Мы видим откровение, в котором одно за другим: мечтательность, тоска по родине, жалость, и надежда, “если она есть”, на чудо. Нас волнуют те события, которыми Мария Знобищева выражает мысли и чувства, образы и метафоры, стиль и слог, то гладкий, то излагательно-твёрдый.

*Даже слово “люблю” стало требовать согласованья.
Я его не скажу. Я не буду его называть.
Скажешь это мужчине — и он позовёт на свиданье,
Скажешь женщине — станет и вовсе тебя избегать.*

Давайте на минуту задержим своё внимание на стиле, который, переключаясь с мотивами классиков русской поэзии XX века, содержит в себе образы современности, и эти две крайности не противоречат друг другу, сливаясь в одно целое:

*Здесь сосны дышат в полный рост,
Но выше — этажи.
Набрать в саду охапку звёзд —
И можно долго жить.*

Такая широта придаёт стихам Марии гармоничность, важную для слуха и восприятия. Такие стихи, с их ненавязчивой оригинальностью, хочется читать. Воображение читателя сразу вливается в поток чувств автора, рисует образы, черпая их из смысловой наполненности стиха. Бесспорно, что это одна из ярких черт таланта Марии Знобищевой.

Много внимания в произведениях молодой поэтессы уделено прошедшему, как личному, так и прошлому, как образу, присущему всему, что временно. Воспоминания — почти “постоянная величина” в сюжетах её стихов, и это прошлое у неё воспринимается как счастье. В этом прошлом летящие крылья, наивность детства, руки любимых людей, ещё не покинувших мир, и чистота высокого ясного неба:

*А небо — большое, как в детстве душа,
И можно смотреть в него нежно и долго.*

*И если луна — это ёлочный шар,
Какая, наверно, огромная ёлка...*

Настоящее же прочно связано с внутренними и жизненными переменами, и отгорожено от этого прошлого как бы стеной с небольшим оконцем:

*Её не увидишь ни над потолком,
Ни с райских высот, ни с космической дрожи,
— А только вот так: из-под ёлки, тайком,
Колючее кружево чувствую кожей.*

Эта хронология необратимых перемен несет в себе новые образы, уже настоящего, как следствия прошлого:

*Так вот... Как жаль оттуда уезжать
В какой-нибудь другой, прекрасный город...*

Поэтесса рисует “мир во времени”, стремясь к искренности без фальши, в котором читатель встречает трогательную грусть российских просторов, образы древней Руси, с поэтично-бытовой печалью, уходящие поезда, и бесконечные прощания — с детством, родными, покидающими родину русскими, с крыльями, которые ломаются, и временными утешениями, приходящими ненадолго. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что пройдя через разнообразную осень, горы, поля, вокзалы, мирные дворы “за психиатрической больницей”, через фольклорную древность и прочную современность, в конце сборника, “с тоской какою-то исконной” мы оказываемся на кладбище, снова посещая потери прошлого, где “Любовь и память пишут свой постскрипум”. И хотя читаем здесь прекрасные слова:

*Как будто для Невидимого Града
Сзывает новых жителей Господь —*

общая эмоциональная картина меняется. Невольно вспоминаются их многие хрестоматийные примеры из русской классики.

Представляя пройденный по книге путь, я, пожалуй, скажу заголовком Толстого: “детство, отрочество...” Какой же мы хотим видеть “юность” или, возможно, “зрелость”? Я не просто вспоминаю классиков русской литературы, ведь в их произведениях печаль и грусть не сопряжены с обречённостью:

*...но я знаю, есть радость в нём,
тем, кто листьев целует дождь
оттого, что тот старый клён
головой на меня похож.*

(С. Есенин)

К сожалению, в сборнике “По праву родства” не хватает того просвета, который возбуждал бы желание жить, творить и любить несмотря ни на что. Хотелось бы видеть в талантливых стихах Марии Знобищевой радость, счастье и надежду не только в прошлом, но и настоящем и будущем, а после осени — солнечную весну. Ведь в реальной жизни мы видим, кроме невзгод, и радость наших детей, играющих, скачущих и поющих, и людей, беззаветно любящих и любимых, и цветение природы под солнцем, в ясные дни, дающие сердцу, казалось бы, беспричинную радость. Да. Есть прошлое. Есть настоящее. Будет — будущее. Видимо, думая об этом, Знобищева спрашивает:

...Но — что за лесом: Горы? Море? Или обрыв?

А, может быть, там нечто большее:

“— Вера, Надежда, Любовь”, — как символы счастья, неподвластного житейским законам и приходящего в мир независимо от них, независимо от прошлого и настоящего.